

Александр Митронов

.....

Безвременно. Пиши хоть наобум —
воздушной сетью языка занятый,
играй во всех пяти — скворчи, юродствуй, ратуй
на холостом кресте и в каменном гробу. —

Всё равнозвучно, всё отречено,
как под землей гниющее величье —
преображение времени в одно
голосование, голосовье птичье,

где словно равный в нетях языка,
как ибис заводной, как бес толковый,
Египет чумный судит на века
и с каменным не расстается словом.

I

Уединение

Донотворение хлеба

Нет ни вождей ни солдат

Светлая боль

и шершавое влажное небо

В чистописаньи цитат

Ты еще спишь

обессилена тихой бурей

Замкнута светлой водой

Где я — с тобой? —

или в корпусе черной лазури —

Узник и временник твой?

Словно из тьмы

где смешались и буквы и святцы

тянется слово на свет —

тени письма

проступают белеют сочатся
камерным сводом планет

Анестезия желанья

Родной планетарий

Послевоенный покой

Чистое поле

и марево прожитой гари

Жуть бытия под рукой

2

Вот и всё

только теплая жуть бытия под рукой
и покой

еле слышимый плеск эмбриона

стой мой странничек стой

отдохни полежи

близ церквушки уснувшей над бледной рекой

отдохни

полежи

в теплой матке зона

как уснуть

если смертно-живой повторяется путь
чуден сон

в темном чреве заглажал Мона

тихо в церковь войди

так светло так темно

в теплом лоне в растворе зона

тихо в церковь войди

там светло и темно

тихо в церковь войди

там светло и темно

словно в сфере прозрачной слезит и блуждает икона

ОТТЕПЕЛЬ

Выпив желчь на посошок,
Закусив воздушной воблой,
Вспомним черствый пирожок
С человечинкою теплой.

Это было не со мной,
Но в моей крови бродило,
Но раствором в черепной
Лагерный ковчег входило.

Оттепель, сыра-трава,
И над язвою пространства
кукурузные слова
Скурвленного ренессанса.

Это было не со мной,
И к чему все это было?
Плакал Каин за стеной,
Авель проливал чернила,

И кружился на бегу
Медный звон больной и зыбкий —
Там, в колодезном кругу
Плакала слепая скрипка

О контуженных лесах,
О расстрелянных подвалах,
А гармонь на костылях
Воздух с кровью воровала.

Как представишь это все —
Было — не было иль было —
Что — сломалось колесо?
Или время чифирило?

С пайкой краденой в мешке,
С человечинкой в груди
В ошельмованной тоске
В лагерной гниющей сини.

.....

Слышишь, как в душной ночи
Зашуршала воздушная яма? —
Матерный треск саранчи
И защитная чухь Мандельштама.

Не безземельный ли Спас —
Каин двенадцатилетний —
Чешет чешуйчатый глаз,
Пашет на черни ничейной?

Нет, говорит, я шуршу,
Чутко шуршу — не маячу,
Очерком, черную пишу,
Шерстью земною означу.

В братской могиле шуршим
Властью и песнью и пастью,
Словно наружу спешим. —
Слышишь, трава ^{х)}, это — мастер!

Мастер и мастеровой
Власти звучащей и Вести.
Всё здесь смешалось. — Конвой
Жирных червей в поднебесье.

Их безразличная страсть
Тешит то масть, то угрозу —
Входит в мастящую пасть
Или в жующую розу.

Слышишь теперь, говорю?
Как и написано — слышит.
В душное небо смотрю:
Давится, делится, дышит.

х) — пастернак

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Полно мне тужиться, тяжбу с собой заводите.
Славно плывем мы, и много ли нужно ума
В царстве Протея? И надо ли связывать нить
Тонкого смысла с летейской волною письма?

Только бы музыкой, музыкой заворожить
Муку-сестрицу, сварливую древнюю спесь.
В вальсе русалочьем тяжело бедняжке кружить,
В серых зрачках ее желтая кроется месть.

Кличет Аскления, просит флакончик вранья,
Черной дуранды газетного хлеба чуть-чуть,
А за кормом то жизнь, то жена, то змея —
Шопенианы беспечельной болтливая муть.

О, дурачье! Как случилось, что нам невдомек
Кто мы, Откуда, Зачем мы плывем в пустоту?
Странные вести принес нам опять голубок
С вечно-зеленой масляной неправдой во рту.

.....

Сколько праздников,
                  сколько естественной радости, радужной пыли
эйфории из мяса
                  на пике крутого поста!
Неужели и вправду мы кончили —
                  в самом конце победили
с патриаршей подмогой,
                  с землицей в расцветших устах?..
Как в цветном эпилоге
                  после той мелкотни хроникальной,
где лишь грохот и вой,
                  свист и крик, человек и снаряд —
всё роится, всё плещется,
                  всё цветет чепухой зазеркальной —
разберись, где известный,
                  а где неизвестный солдат?

Фарш волшебный из виршей и маршей,
из визга и пенья!
Равноправные дети-застрельщики,
дети-стрелки...
Круговое терпенье, цыплячье сцепенье,
цветенье! —
Возлагают венки.
Возлагают венки.
Запах жирных нулей
заполняет прогулы сквозные,
черно-белые клирики
скорбной шеренгой стоят.
"Далеко ли идти
до блаженной страны Содомии?" —
так, должно быть, их спросит
цветной Неизвестный Солдат
Словно в сказке дремучей,
конец захлебнется в начале —
как в любовном безумьи,
связав родничок свой и род,
весь в анютиных глазках,
в крови,
в чешуе маргиналий
мертвый тянется к небу
и землю родную грызет.

.....